

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.17>

Талызина Елена Викторовна

"Страсть прославлять и защищать свои корни": патриотизм Эдварда Томаса и Руперта Брука

Отправной точкой данной работы послужило мнение литературоведа Джен Марш, что патриотизм поэта-георгианца Руперта Брука равен патриотизму британского писателя и литературного критика Эдварда Томаса, ставшего поэтом во время Первой мировой войны, причём патриотические чувства обоих поэтов родились под влиянием любви к природе Англии. Цель исследования - узнать, насколько правдоподобно это утверждение, так как большинство литературоведов признают патриотизм Томаса истинным, а Брука считают "ура-патриотом". Научная новизна заключается в том, что в России, где оба поэта малоизвестны, их творчество в таком аспекте серьёзно ещё не сравнивалось. В результате делается вывод, что даже если поэты испытывали похожие чувства, выражали они их по-разному.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/8/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 80-85. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Traditional and Author's Symbols in Lin Huiyin's Poetry

Savinova Tuyana Bairovna, *PhD*
 Danchinova Sofia Konstantinovna
 Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude
 tuyanasavinova@mail.ru; sophiagreek@yandex.ru

The paper aims to identify and describe traditional and author's symbols in poetical works of the Chinese poetess Lin Huiyin. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that symbolism in Lin Huiyin's poetry has not been previously investigated in domestic literary criticism and sinology. The article for the first time introduces poems from Lin Huiyin's poetical collection "My Heart Is a Lotus Flower: Classical Collection of Lin Huiyin's Works" into scientific circulation. The research findings are as follows: traditional and author's symbols in Lin Huiyin's poetry are identified and analysed.

Key words and phrases: Lin Huiyin; Chinese literature; poetical creation; traditional symbols; author's symbols.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.17>

Дата поступления рукописи: 17.06.2020

Отправной точкой данной работы послужило мнение литературоведа Джен Марш, что патриотизм поэта-георгианца Руперта Брука равен патриотизму британского писателя и литературного критика Эдварда Томаса, ставшего поэтом во время Первой мировой войны, причём патриотические чувства обоих поэтов родились под влиянием любви к природе Англии. Цель исследования – узнать, насколько правдоподобно это утверждение, так как большинство литературоведов признают патриотизм Томаса истинным, а Брука считают «ура-патриотом». Научная новизна заключается в том, что в России, где оба поэта малоизвестны, их творчество в таком аспекте серьёзно ещё не сравнивалось. В результате делается вывод, что даже если поэты испытывали похожие чувства, выражали они их по-разному.

Ключевые слова и фразы: Эдвард Томас; Руперт Брук; литература Первой мировой войны; георгианская поэзия; тема патриотизма; тема родной природы.

Талызина Елена Викторовна
 Самарский государственный технический университет
 elanor68@mail.ru

«Страсть прославлять и защищать свои корни»: патриотизм Эдварда Томаса и Руперта Брука

В годину испытаний часто происходит всплеск патриотизма, люди пересматривают своё отношение к родной стране. Так случилось и с британскими поэтами Э. Томасом (1878-1917) и Р. Бруком (1887-1915), попытавшимися выразить свои патриотические чувства как на практике, так и в поэзии. Однако представления о патриотизме меняются, поэтому нет окончательной оценки творчества поэтов с этой точки зрения, в чём и заключается *актуальность* исследования.

Указанная цель определила *задачи*: проанализировать, как война повлияла на патриотические чувства поэтов; проанализировать и сравнить, как патриотизм выражается в их творчестве. В исследовании применялись следующие *методы*: сравнительно-сопоставительный, биографический, психологический, формальный.

Теоретической базой исследования послужили труды британских литературоведов, в основном Б. Бергонци [2], Дж. Марш [13] (ставший отправной точкой) и предисловие К. Хейла к новому изданию антологий георгианской поэзии [8].

Исследование может помочь лучше понять развитие английской литературы во время Первой мировой войны, что составляет его *практическую значимость*.

Эдвард Томас и Руперт Брук познакомились в 1909 году [13, р. 104]. Потом они встречались в лондонских литературных кругах [3; 9]. Последний ценил первого, который был довольно влиятельным литературным критиком. В сентябре 1910 г. Брук, окончивший к тому времени Кембриджский университет и поселившийся в деревне Гранчестер около Кембриджа, пригласил Томаса посмотреть его стихи «взглядом профессионала» [3, р. 59]. Надолго уезжая из Англии в 1913 г., Брук хотел видеть Томаса, чтобы «оставить муз Англии на [его] попечение» [Цит. по: Ibidem, р. 66].

Томас написал благоприятную рецензию на первый сборник молодого поэта, вышедший в 1911 г. [13, р. 105], в которой назвал Брука «полным мятежа, презрения, презрения к себе, но также и самонадеянности» [Цит. по: 3, р. 59] (здесь и далее перевод автора статьи. – Е. Т.). Отмечая недостатки, он, тем не менее, заканчивает предсказанием, что Брук со временем станет поэтом, и не малым [Ibidem, р. 59-60]. Впоследствии он написал и некролог Брука [9, р. 227].

Между двумя поэтами можно найти нечто общее. Томас практически всю свою самостоятельную жизнь страдал от депрессии и даже подумывал о самоубийстве [18, р. 13]. Как считают, Брук был психически

неустойчив и подолгу находился на грани нервного срыва [2, p. 33]. Некоторые исследователи полагают, что Томас понятие «лишнего человека» (почерпнутое из «Дневника лишнего человека» Тургенева) применял и к себе [11, p. 110, 287]. По словам Кита Хейла, Брук, вероятно, считал себя «ненужным», по крайней мере, после окончания Кембриджа [8, p. 10]. Обоим приписывают «ностальгию» и «стремление к смерти» (death-wish) как её третью разновидность, желание вернуться в период до рождения [3, p. 225-226], что выразилось в их творчестве. Как пример приводится стихотворение “Retrospect” («Взгляд назад») Брука, судя по всему, обращённое к матери, написанное на Таити, во время долгого путешествия, и которое кончается словами: “And I should sleep, and I should sleep!” [15, p. 123]. / «И я засну, и я засну!», – что, видимо, автор, на которого ссылается У. Кук [3, p. 226], интерпретировал как стремление к смерти, хотя это, скорее, желание припасть к материнской груди после долгой разлуки; однако ностальгия, безусловно, присутствует. В том, что Брук сравнивает мать с «бесконечной бездной» [15, p. 123], Дж. Марш находит переключку со стихотворением Томаса “The Child on the Cliffs” [13, p. 186] (досл. «Ребёнок на утёсах»), в котором мальчик, находясь с матерью на морском берегу (судя по контексту, в Уэльсе), слышит колокол на бакене и говорит, что ему хотелось бы “to be lying under that foam” [18, p. 66] («лежать под той пеной»).

Обоих причисляют к так называемым «Димокским поэтам» (проводившим лето 1914 г. около деревни Димок (Dumock) в Глостершире; остальные – это второстепенные поэты-георгианцы Лэсселс (Lascelles) Аберкромби, Джон Дринкуотер и Уилфрид Гибсон, а также американец Роберт Фрост). Оба закончили жизнь на Первой мировой войне, куда пошли добровольцами: Брук скончался от сепсиса, развившегося по нелепой случайности, по пути в Галлиполи (апрель 1915 г.), Томас погиб на Западном фронте в апреле 1917 г. Творчество обоих после их смерти часто оценивалось неправильно, что, по мнению Г. Кумса (Coombes), объясняется «легендами», которые складываются о поэтах, особенно погибших на войне [4, p. 9]. Характерно, что, говоря о «легенде», сложенной о Томасе, автор вспоминает Брука [Ibidem], в «мифе» о котором три элемента – личность поэта, его смерть и его творчество – слились воедино [2, p. 34].

В остальном же их посмертная литературная судьба оказалась противоположной. Брук сразу после смерти, из-за цикла из пяти сонетов «Год 1914» почитавшийся как «поэт-воин», готовый к самопожертвованию ради родной страны, теперь по той же причине большинством критиков признаётся «ура-патриотом», но продолжает считаться «военным поэтом» [8, p. 7], хотя кроме этих сонетов он практически ничего не успел написать о войне и почти не участвовал в военных действиях [Ibidem, p. 35]. Его сонет «Солдат» (“The Soldier”, пятый в цикле) – одно из самых известных англоязычных стихотворений [Ibidem, p. 32] (по этой причине журнал «Иностранная литература» заинтересовался им в связи со столетием начала Первой мировой войны, опубликовав подборку его русскоязычных переводов, в том числе автора этой статьи [1]). Томаса поначалу не считали военным поэтом, а в наши дни пишут, что в статье о поэзии Первой мировой войны нельзя не коснуться его стихов [5, p. 89]. На открытии мемориала военным поэтам в Вестминстерском аббатстве в ноябре 1985 г. Тед Хьюз, бывший тогда поэтом-лауреатом, назвал его «отцом всех нас» [11, p. 263, 291].

Как замечает Кит Хейл, Брук стал «военным поэтом» из-за «пяти жалких стихотворений» [8, p. 7], между тем при жизни он был известен как поэт-георгианец [Ibidem]. По мнению Б. Бергонци, движение георгианцев – лучший контекст для понимания поэзии Брука [2, p. 33]. Собственно, это была довольно разнородная группа молодых английских поэтов, творивших во время правления Георга V [8, p. 7]. Уже по окончании Первой мировой войны георгианцы не принимались всерьёз [Ibidem, p. 8], но когда-то они считались до некоторой степени революционными [2, p. 33]. Они обращались к простому патриотизму, выражаемому в образах сельской Англии, будучи «приверженцами Малой Англии» [Ibidem, p. 34], в противоположность Киплингу и другим, менее талантливым стихотворцам поздневикторианской и эдвардианской эпохи, восхвалявших «великолепие Империи» [Ibidem]. Брук был «лицом» [8, p. 7], «доминирующей фигурой» [10, p. 57] георгианской поэзии, и для большинства англичан она и его имя стали синонимами [8, p. 10]. Не следует думать, что «окопная поэзия» противопоставляла себя георгианской: поскольку движение георгианцев ассоциировалось с реализмом, крупные военные поэты признавали себя его частью [Ibidem, p. 8]. Сассун, Грейвс, Розенберг печатались в георгианских антологиях [8].

Ф. Р. Ливис, автор известной книги «Новые направления в английской поэзии» (“New Bearings in English Poetry”), впервые вышедшей в 1932 году, приписывал поэту «определённый талант и энергию зятянувшегося отрочества» [10, p. 57], а также «подлинную чувственность, в духе Китса» [Ibidem].

Томас был знаком со многими поэтами-георгианцами и даже высоко ценил некоторых из них [13, p. 200]. Однако большинство литературоведов к георгианцам его не причисляют, хотя иногда его связывали с ними «по несчастной случайности» [10, p. 59] за его тематику и «простое очарование» [4, p. 12]. Тот же Ливис считал, что его отличала от георгианцев «современная чуткость» [10, p. 64]. Б. Бергонци отмечает тонкость наблюдений Томаса, не присущую георгианцам [2, p. 82]. Томас никогда не печатался в георгианских антологиях Э. Марша, что, по мнению Дж. Марш, безусловно, лучше для репутации поэта, но хуже для репутации георгианцев [13, p. 106]. В другом месте она пишет, что Томаса нельзя назвать ни георгианским, ни не георгианским поэтом, как нельзя считать его ни военным, ни не военным поэтом [Ibidem, p. 200].

По мнению Дж. Марш, Брук (впрочем, как и все поэты его поколения) находился под влиянием поэта-викторианца Суинберна [Ibidem, p. 91], сторонника эстетизма и декадента, чьи стихи пронизаны грёзами, эскапизмом, в них сильна тема «стремления к смерти» [Ibidem, p. 90]. Брук не мог избавиться от своего восхищения Суинберном, хотя смеялся над викторианской эпохой и стремился быть другим [Ibidem, p. 91].

Томас, в свою очередь, в ранних прозаических произведениях подражал У. Пейтеру [4, р. 125], теоретику эстетизма. Впоследствии, в критических исследованиях творчества Пейтера и Суинберна, он выявил недостатки их стиля, показав, что они, по выражению писателя, которое он употребил по отношению к Метерлинку, «чисто эстетические коллекционеры слов» [Цит. по: 3, р. 139]. Сам он пытался избавиться от таких недостатков, стремясь, сначала в прозе, а потом в стихах, приблизиться к устной речи. В мае 1914 года он писал своему другу, американскому поэту Роберту Фросту: «Я хочу свернуть все шеи своей риторике – гусям» [6, р. 10].

Кроме стремления к смерти, Дж. Марш находит в творчестве Брука и Томаса и другие общие темы: любовь к сельской местности (природе) и грёзы об идеализированных женщинах; с другой стороны, она замечает, что оба поэта не слишком почтительно относились к общественным институтам и оба были атеистами, хотя и с «платоновскими тенденциями» [13, р. 105].

По мнению исследовательницы, оба поэта разделяли взгляды, что поэзия должна отражать реальную, повседневную жизнь. Брук полагал, что нужно писать о «простых вещах» [Ibidem, р. 92], что можно найти вдохновение «в мерцании солнечного света на глухой стене, или пространстве грязного тротуара, или дыме от паровоза ночью» [Цит. по: Ibidem, р. 93]. В биографии Метерлинка Томас написал, что темой стихотворения может стать «что угодно, каким бы незначительным ни было» [Цит. по: 11, р. 34].

Однако Кумс считал, что «простые вещи» Томаса сильно отличаются от простых вещей Руперта Брука, например, в “The Great Lover” [4, р. 16] (букв. «Великий влюблённый»). Действительно, такие строки, как “...the cool kindness of sheets, that soon / Smooth away trouble; and the rough male kiss / Of blankets” [15, р. 125]. / «...прохладная доброта простыней, которая скоро / изглаживает заботы; и шершавый мужской поцелуй / одеял», – говорящие, безусловно, о «простых вещах», тем не менее окрашены эстетизмом и даже сибаритством, как и всё это длинное стихотворение [Ibidem, р. 124-126]. Для сравнения можно привести стихотворение Томаса “But these things also” («И это черты»):

“But these things also are Spring’s –
On banks by the roadside the grass
Long-dead that is greyer now
Than all the Winter it was...” [18, р. 67]. /
«И это черты весны –
У края дорог трава
Серей, чем она была
Всю зиму, давно мертва...».

Ни Томас, ни Брук до войны не отличались патриотизмом. Брук в письмах часто критиковал Англию и сильнее любил родину, находясь за границей [8, р. 12]. Томас до войны написал рассказ “Home” («Дом», сборник “Light and Twilight” («Свет и сумерки»)), где солдат-лондонец умирает в далёкой чужой стране, причём его страна (Уэльс; сам Томас был валлийцем по отцу, как и герой рассказа, и говорил, что испытывает патриотизм разве что по отношению к Уэльсу [9, р. 161]) – «не та страна, за которую он сражался» [17, р. 45].

Но война кое-что изменила. 7 ноября 1914 г. в газете «Нейшн» (“The Nation”) появился очерк «Англия» [18, р. 296], в котором Томас описал свои чувства в начале войны: как однажды в августе, увидев растущую луну, он вспомнил о солдатах во Франции и подумал, что нужно что-то сделать, чтобы он снова мог спокойно созерцать английскую природу, в том числе цветок чистеца (wood-betony), как бы стоявший на страже на лесной опушке [16, р. 121]. Ещё 29 августа того же года в журнале «Нью стейтсмен» (“The New Statesman”) был напечатан очерк Брука “An Unusual Young Man” [2, р. 35] («Необычный молодой человек»), в котором, по мнению Дж. Марш, описывались похожие чувства [13, р. 144]. Очерк написан от третьего лица, но, как считают исследователи, выражает взгляды самого автора [2, р. 35; 13, р. 144]. У героя сжалось сердце при мысли, что может быть совершён рейд на берега Англии; саму землю Англии он, к своему удивлению, готов считать «святой» [13, р. 144] (интересно, что в заметке в записной книжке, сделанной 26 августа 1914 г. и послужившей зачатком «Англии», Томас тоже думает о возможности налёта на Англию, осознаёт любовь к ней и желание её защитить [18, р. 296]). Однако Томасу удалось сжать образ Англии до цветка чистеца. По мнению Дж. Марш, благодаря олицетворению (автор называет цветок местоимением “he” («он»), заменяющим одушевлённые существительные), Томас смог придать искренность своей эмоциональной реакции: цветок стоит на страже английского ландшафта, требуя ответа [13, р. 143]. Брук же подробно описывает пейзаж Южной Англии: «Серые, неровные маленькие поля, маленькие древние живые изгороди проносились перед ним, полевые цветы, вязы и буки... невозмутимые домики из красного кирпича...» [Цит. по: Ibidem, р. 144].

Дж. Марш приходит к заключению, что для Брука, как и для Томаса, любовь к английской природе почти естественно преобразовалась в патриотизм [Ibidem]. В отличие от Томаса, который колебался до июля 1915 г., Брук пошёл добровольцем на военную службу в первые недели войны [9, р. 171; 13, р. 144], заметив одному знакомому: «Ну, если Армагеддон начался, нужно быть там» [14, р. 133].

Б. Бергонци считал патриотизм Брука в «Необычном молодом человеке» литературным, что, однако, не мешает ему быть искренним: поэт не был готов к адекватному выражению таких чувств, но к этому не были готовы и другие писатели в тот момент, поскольку не имели соответствующего опыта [2, р. 36].

Но могли ли Томас и Брук вдруг стать патриотами под влиянием любви к английской природе? У. Кук приводит свидетельство ещё одного британского поэта, Сесила Дей-Льюиса, во время Второй мировой войны переводившего «Георгики» Вергилия. Он почувствовал, по собственному признанию, патриотизм, который,

как он полагал, был присущ Вергилию: «...природную праведность, обострённое чувство духа места, страсть прославлять и защищать свои корни» [Цит. по: 3, р. 189]. Томас и Брук, судя по всему, тоже ощутили «страсть прославлять и защищать свои корни» (the passion to praise and protect one's roots), но для её выражения они избрали разные средства.

К. Хейл сомневается в патриотизме Брука, утверждая, что не он побудил поэта поступить на военную службу [8, р. 12], а, скорее, «меланхолия» Брука, которая вообще отличала георгианскую поэзию [Ibidem, р. 10-11]. О цикле сонетов «Год 1914» он замечает, что в них выражены эгоистические интересы, вплоть до желания ранней смерти, а отнюдь не приписываемые им патриотизм и готовность к жертве [Ibidem, р. 10].

По мнению Б. Бергонци, недостаток «Года 1914» в том, что в нём элементы, выражающие настроения, вообще присущие тогда поэтам, и не только английским [2, р. 37], тесно переплетаются с чисто личными чувствами Брука, и это придаёт стихам некоторую театральность [Ibidem, р. 38]. Называя иронию сильной стороной Брука, он замечает, что она, из-за пафоса темы, отсутствует в сонетах [Ibidem, р. 37].

Миф, созданный о Бруке (чему способствовало, ещё до смерти поэта, прочтение сонета «Солдат» деканом собора св. Павла на Пасху 1915 года с кафедрой [1, с. 119]), критиковался с самого начала. Издание по-смертного поэтического сборника Брука, содержащего и знаменитые сонеты, критик из «Нью-Стейтсмена» прокомментировал, заявив, что те, кто представляет Брука «поэтом-воином», были бы потрясены, прочитав, например, его стихотворение «о теологии рыб» [14, р. 133] (судя по всему, “Heaven” («Небеса»)).

Томас тоже трезво оценивал творчество Брука. Почти через полтора года после смерти Брука на вопрос в письме Р. Фроста о его окончательном мнении о творчестве «Руперта» [6, р. 151] Томас ответил, что тот был «краснобаем, украшавшим вещи больше, чем было нужно. И я подозреваю, что он слишком хорошо знал как о том, к чему он клонил, так и чего он достигает» [Ibidem, р. 153-154].

У Томаса с самого начала войны был свой взгляд на патриотическую поэзию, который он выразил, например, в рецензии, написанной в конце 1914 года, где он говорил, что поэзия начальной фазы войны «для публики: в ней больше от крика витии, декламатора или политика, чем от разговора друзей и влюблённых» [Цит. по: 3, р. 215]. Ещё в 1914 году он предложил составить антологию патриотической литературы, как он её понимал: в духе, описанном Дей-Льюисом. Немало его собственных стихов, которые он начал писать в том же году, выражают ту же идею (“The Manor Farm” («Усадьба-ферма»), “Adelestron” («Эделстрон»), “Наумaking” («Сенокос»), “Tears” («Слёзы») и др.).

В письме к Фросту в 1915 г. он назвал «Год 1914» «нервной попыткой связать с собой очень распространённую мысль, что самопожертвование – это высочайшая степень потакания своим слабостям» [6, р. 61]. Но признаётся, что не посмел это высказать в рецензии, поскольку сам он тогда ещё не поступил на военную службу [Ibidem].

Э. Лонгли называет стихотворения Томаса “No one cares less than I” («Дело какое мне») и “There was a time” (досл.: «Было время») «запоздалым ответом» Бруку [11, р. 129]; в обеих войнах, в отличие от сонетов «Года 1914», предстаёт не правым делом, а неумолимой судьбой, в обеих обыгрывается язык сонетов [Ibidem, р. 129, 159]:

««No one cares less than I...
Whether I am destined to lie
Under a foreign clod»,
Were the words I made to the bugle call in the morning” [18, р. 123]. /
««Дело какое мне...
Лечь суждено мне иль нет
Под ком земли чужой”, –
Вот что сказал я под горна сигнал этим утром».

Стихотворение как бы пародирует “some corner of a foreign field / That is forever England” [15, р. 115] («уголок в чужих полях / Где Англия навек» [1, с. 118]) из «Солдата» и “Blow out, you bugles...!” [15, р. 113] («Труби, о горн...!») из третьего сонета, “The Dead” («Мёртвые»).

В стихотворении “There was a time”, тоже написанном от первого лица, герой отказывается признать, что он “unworthy of the wage / Paid to a man who gives up eyes and breath / For what would neither ask nor heed his death” [18, р. 128] («недостоин платы, / которую платят человеку, отдающему свои глаза и дыхание / за то, что не попросит и не заметит его смерти»). Здесь опять встречаются слова из сонетов: “wage” («плата») из «Мёртвых», где говорится, что честь вернулась на землю и заплатила своим подданным по-царски (“with a royal wage” [15, р. 113]), и рифма “breath/death” («дыхание/смерть») из первого сонета, «Мира» (“Peace” [Ibidem, р. 111]).

В основном собственная поэзия Томаса отличается ненавязчивым патриотизмом. Но, пожалуй, “This is no case of petty right or wrong” (досл.: «Это не случай мелочной справедливости или несправедливости») является исключением. Отец Томаса и поэт Ральф Ходжсон упрекали его в недостатке патриотизма [6, р. 115, 131]. Вероятно, стихотворение написано под влиянием таких упреков. Однако в начале поэт заявляет, что не питает ненависти к немцам и не горит любовью к англичанам, а дальше появляется образ двух ведьминых котлов (возможно, аллюзия на ведьм из «Макбета»), из одного должна появиться ясная погода, из другого – возрождённая Англия [18, р. 104]. В этом образе Дж. Марш видит понимание войны как очищения, как в сонете Брука «Мир» [13, р. 154]. Далее она пишет, что патриотизм Томаса, рождённый из любви к родной природе, имеет параллели в другой военной поэзии того времени, например, в «Солдате» Руперта Брука, где поэт отождествляет

себя с почвой Англии [Ibidem, p. 155] (о том же «Солдате» Д. Дж. Энрайт (Enright) писал, что повторение слов «Англия» и «английский» звучит очень хорошо, но непонятно, хвалит ли поэт Англию или себя [7, p. 164]).

Принято считать, что Томас с самого начала относился к войне без иллюзий. Отношение же Брука К. Хейл называет «незрелым» [8, p. 11]. Но, например, Шон Стрит считает, что наблюдение падения Антверпена (которое поэт сравнил с «дантовским адом» [9, p. 172]) осенью 1914 г. способствовало его зрелости [14, p. 117]: «Это кровавая штука, когда половина молодёжи Европы в мучениях расплывается в ничто в непрерывной механической бойне современных битв» [Цит. по: Ibidem]. Об этом впоследствии писали «окопные поэты», а в 1915 г. в биографии герцога Мальборо почти теми же словами такое описывал Томас [19, p. 12, 118], который видел войну как повторяющийся исторический процесс.

Буквально за несколько дней до смерти Брук (видимо, на борту военного транспорта) написал так называемый “Fragment” («Отрывок»), в котором лирический герой, бродя вечером по палубе, в иллюминатор видит своих товарищей, чувствуя к ним жалость, потому что через несколько дней, возможно, они будут убиты [15, p. 169]. В «Сове» (“The Owl”) Томаса, написанной до поступления на военную службу, герой внезапно чувствует жалость к солдатам, терпящим лишения, но сам он в это время находится в тепле [18, p. 65], Брук же один из них и знает, что может разделить их участь.

Как ясно из писем и найденной после его смерти записной книжки, в то же время Брук замыслил поэму (или, по его словам, «оду-тренодию» [12, p. 175]). В сохранившихся отрывках есть строка “She is with all we have loved and found and known” [Ibidem, p. 176]. / «Она со всем, что мы любили, и обрели, и знали», в которой Дж. Марш видит поразительное сходство со строкой Томаса “She is all we know and live by” [18, p. 105]. / «Она всё, что мы любим и чем живём» из стихотворения “This is no case of petty right or wrong” [13, p. 155]. В «оде-тренодии» Англия изображена абстрактно, однако и в стихотворении Томаса тоже.

В довоенных стихах Брука, возможно, больше общего с поэзией и мировидением Томаса. Что касается природы, то у обоих поэтов встречаются похожие образы, как, например, в стихотворении Брука “Pine Trees and the Sky: Evening” («Сосны и небо, вечер») и «Песне ветра» (“The Wind’s Song”) Томаса. В обоих лирический герой обретает утешение среди сосен (правда, у Томаса под влиянием «песни ветра» в сосновых ветках) [15, p. 29; 18, p. 117-118].

Поэма Брука “Old Vicarage, Grantchester” («Старый дом священника, Гранчестер»), написанная в Берлине в 1912 году, – типичный образец георгианской поэзии. Изначально поэт хотел назвать её «Сентиментальный изгнанник» (“The Sentimental Exile”), и, как полагают, в таком случае её воспринимали бы менее серьёзно, что, вероятно, было бы ближе к замыслу автора [2, p. 34]. Герой, находясь в берлинском кафе, ностальгирует по родине. «Немецкая» обстановка обрисована сатирически, Англия иронично идеализирована. Можно обнаружить нечто общее со стихами Томаса, например, в том, что поэт при описании природы отвергает романтично-мифологические образы «наяды» и «фавна» [15, p. 162] (ср. “Sedge-Warblers” («Камышовки») Томаса, где герой прогоняет «яд» романтических грёз о «нимфе» при виде ручья [18, p. 90]). То, что в Гранчестере можно, лёжа на траве, слышать “the cool lapse of hours pass / Until the centuries blend and blur” [15, p. 162] («как проходит прохладное течение часов / пока не смешаются и не затуманятся века»), напоминает о таких стихотворениях Томаса, как “The Manor Farm” («Усадьба-ферма»), “Наумaking” («Сенокос»), “The Brook” («Ручей»), в которых в одно мгновение вмещаются столетия. Иронически-восторженному восхвалению Гранчестера и его обитателей и сатирическому изображению жителей других деревень [Ibidem, p. 163-164] можно увидеть параллель в эссе Томаса «Англия», написанном в начале войны, в котором он, рассуждая о патриотизме, говорит, что англичане-домоседы любят свой «уголок» Англии [16, p. 102], а к своим ближайшим соседям относятся как будто бы к чужакам, сочиняя о них сатирические рассказы [Ibidem, p. 104].

Даже сонет «Солдат» сочетает «империалистический военный стиль» [5, p. 88] с характерными чертами георгианской поэзии (немного утрированными в первом русском переводе Набокова [1, с. 117]), а “ways” («пути», которые Англия даровала, наряду с другими элементами пейзажа, «праху», которому суждено лежать на чужбине [15, p. 115]) роднят его с творчеством Томаса, где пути, дороги, тропы – один из часто встречающихся образов. Сочетание земного со «сверхприродным» [1, с. 120] (вероятно, в этом Дж. Марш видела «платоновскую тенденцию») приводит сонет к «вневременному» [Там же].

Таким образом, можно сделать **вывод**, что начавшаяся война заставила Р. Брука и Э. Томаса, как и многих других людей в подобных обстоятельствах, через отношение к природе родной страны ощутить любовь к родине и желание её защищать. Свои чувства они попытались выразить в поэзии. Однако Брук поддался общему приподнято-патриотическому настроению, характерному для первой фазы войны, и не смог преодолеть георгианской сентиментальности. У Томаса же была собственная концепция патриотической поэзии, которой он следовал.

В исследовании есть указание, что поэзия Брука незадолго до его смерти начала развиваться в ключе «окопных поэтов»; возможно, если бы он прожил подольше, он стал бы одним из них. Было бы интересно сравнить с творчеством «окопных поэтов» поэзию Томаса.

Список источников

1. Брук Р. Солдат. Вглубь стихотворения. Переводы с английского. Послесловие Бориса Дубина // Иностранная литература. 2014. № 8. С. 116-121.
2. Bergonzi B. Heroes’ Twilight: A Study of the Literature of the Great War. Third edition. Manchester: Carcanet Press, 1996. 248 p.
3. Cooke W. Edward Thomas: A Critical Biography. L.: Faber and Faber, 1970. 296 p.

4. **Coombes H.** Edward Thomas. L.: Chatto & Windus, 1956. 256 p.
5. **Corcoran N.** Wilfred Owen and the poetry of war // The Cambridge Companion to the Twentieth-Century Poetry / ed. by N. Corcoran. N. Y.: Cambridge University Press, 2007. P. 87-101.
6. **Elected Friends: Robert Frost and Edward Thomas to One Another** / ed. by M. Spencer; foreword by M. Hofmann; afterword by Ch. Ricks. N. Y.: Other Press LLC, 2012. XLII+216 p.
7. **Enright D. J.** The Literature of the First World War // The Pelican Guide to English Literature / ed. by B. Ford. Third edition. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. Vol. 7. The Modern Age. P. 162-177.
8. **Georgian Poetry: A Compilation of Georgian Poetry 1911-22** / with an introduction by editor K. Hale. L.: Watersgreen House, 2014. 528 p.
9. **Hollis M.** Now All Roads Lead to France: The Last Years of Edward Thomas. L.: Faber & Faber, 2012. XVIII+389 p.
10. **Leavis F. R.** New Bearings in English Poetry. Harmondsworth: Penguin Books, 1967. 192 p.
11. **Longley E.** Under the Same Moon: Edward Thomas and the English Lyric. L.: Enitharmon Press, 2017. 302 p.
12. **Marsh E.** Rupert Brooke: A Memoir. N. Y.: John Lane Company, 1918. 200 p.
13. **Marsh J.** Edward Thomas: A Poet for His Country. L.: Paul Elek, 1978. XIV+226 p.
14. **Street S.** The Dymock Poets. Bridgend: Seren, 1994. 168 p.
15. **The Collected Poems of Rupert Brooke** / with an introduction by G. E. Woodberry. N. Y.: Dodd, Mead and Company, 1931. 192 p.
16. **The Last Sheaf: Essays by Edward Thomas** / with a foreword by Th. Seccombe. L.: J. Cape, 1928. 224 p.
17. **Thomas E.** Light and Twilight. L.: Duckworth & Co., 1911. VIII+192 p.
18. **Thomas E.** The Annotated Collected Poems / ed. by E. Longley. Tarsset: Bloodaxe Books, 2013. 332 p.
19. **Thomas E.** The Life of the Duke of Marlborough. L.: Chapman & Hall, Ltd., 1915. VIII+296 p.

“Aspiration to Glorify and Defend the Native Land”: Patriotism of Edward Thomas and Rupert Brooke

Talyzina Elena Viktorovna
Samara State Technical University
elanor68@mail.ru

The paper discusses the literary critic Jan Marsh's opinion that the Georgian poet Rupert Brooke's patriotic feelings are comparable with patriotic feelings of the British writer and literary critic Edward Thomas who became a poet during the First World War, and in both cases patriotic feelings were closely associated with the native nature. The article tries to answer the question whether Jan Marsh's hypothesis is acceptable taking into account the fact that majority of literary critics consider Thomas a true patriot, whereas Brooke is labelled as a jingoist. Scientific originality of the study lies in the fact that both the poets are almost unknown in Russia and their creative work has not been previously investigated in this aspect. The conclusion is made that though the poets experienced similar emotions they expressed them in different ways.

Key words and phrases: Edward Thomas; Rupert Brooke; literature of the First World War; Georgian poetry; patriotic theme; theme of native nature.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.18>

Дата поступления рукописи: 02.06.2020

Статья посвящена анализу функциональной специфики природы скульптурного экфрасиса в романе Р. Д. Харриса «Очищение», объектом для которого послужила статуя Венеры Милосской. О научной новизне работы свидетельствует факт отсутствия как в западном, так и в отечественном литературоведении исследований, связанных с изучением в творчестве Р. Д. Харриса функциональной природы экфрасиса. В связи с этим целью работы является получение выявленных в процессе анализа назначений стилистических приемов, задействованных автором в выбранном экфрасистическом описании. Полученные результаты показали, что статуарный образ Венеры Милосской, дополняя исторический портрет Аурелии Котты, раскрывает поведенческие особенности женского образа в контексте поэтики постмодернистской прозы.

Ключевые слова и фразы: скульптурный экфрасис; экфрасистическая экспозиция; композиционная функция; характерологическая функция; мотив двойничества; Аурелия Котта; Венера Милосская; Р. Д. Харрис.

Щемелева Елена Борисовна
Московский педагогический государственный университет
schemeleva2018@mail.ru

Функциональная специфика скульптурного экфрасиса в романе Р. Д. Харриса «Очищение»

Интерес к историографии Древнего мира у современных исследователей-литературоведов обусловлен прежде всего вниманием к институту личности, формирующейся в эпоху зарождения мощного культурно-исторического пласта. В постмодернистской литературе в фокусе изображения оказываются образы (реально